

флеты, перелагая их в не всегда безупречные стихи, отчасти же в своем непосредственном лирическом подъеме предназначалась для воодушевления бойцов, создавалась как бы в обстановке военного лагеря, похода, отражая давние особенности этого рода произведений — их отрывистость, насыщенность лиризмом.

Это была поэзия, наиболее полно развившаяся в среде барских конфедератов в конце 60-х и в начале 70-х годов. Но первый толчок к развитию этой литературы был дан еще событиями 1767 г., особенно резко обнаружившими разложение, царившее среди таких, напр., представителей аристократии, каким был известный Радзивилл Panie Kochanku; такое царившее в среде аристократии разложение стало тогда все более и более угрожать целостности самого существования Речи Посполитой. Деятельность этих магнатов с достаточной полнотой обнаружилась уже во время так наз. Радомской конференции того же 1767 г. и, несомненно, уже тогда стала мишенью для политической сатиры.

Русское правительство, поддерживавшее партию Чарторыйских при избрании на престол ее кандидата Станислава Августа, скоро убедилось, что возлагавшиеся им надежды на эту креатуру, которая должна была быть послушным орудием в руках русского посланника, не вполне оправдались: король в Польше редко имел настоящую власть, а тем более такой, как Станислав Август, вечно подвергавшийся чуждым влияниям, систематически обнаруживавший полное безволие как раз в самые ответственные моменты. Чарторыйские, получившие на него решающее влияние, вступив в союз с Россией, смотрели на него как на временное зло, от которого нужно будет избавиться, как только будут проведены необходимые реформы, обеспечивавшие целостность существования пошатнувшегося организма шляхетской Речи Посполитой. Для Екатерины и Панина эта их политика стала особенно ясной с того момента, когда они, сохраняя свою вышеуказанную принципиальную точку зрения, отказались заключить предложенный им военный союз с Россией; тем самым они подчеркивали, что не желают стать лишь придатком тогдашнего сильного в военном отношении русского государства. Деньги, щедро потраченные на подкуп шляхты при элекции, и все вообще усилия подчинить Польшу своему влиянию грозили при таких условиях быть совершенно напрасно потерянными; чтобы избежать этого, решено было пустить в ход традиционное так наз. «диссидентское» дело, которое, если не могло встретить прямого сочувствия католического австрийского двора, зато безусловно должно было быть поддержано Пруссией; но, понимая, что фанатически настроенную шляхту трудно было привлечь на